

УДК 341

«Вирус политиканства» в российской уголовно – правовой системе**Сидоров Б.В.**

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Осуществлен системный анализ Общей и Особенной частей УК РФ с позиции уголовной политики, проводимой действующей российской властью, авторская оценка тем изменениям (три пакета либерализации уголовного и уголовно – процессуального законодательства), которые были внесены в УК и УПК РФ в порядке гуманизации ответственности и наказания, прежде всего, за экономические преступления, дается анализ и критика этих законодательных новелл, обстоятельной критике подвергаются изменения, внесенные в порядке противодействия коррупции и экстремизму.

Ключевые слова: уголовная политика, ответственность, наказание, уголовное законодательство, экономические преступления, конфискация имущества.

***Если мы не вменим в закон поступать праведно,
Если мы приравняем безнаказанность к справедливости,
То каких только дел мы каждодневно не станем творить.***

Монтень

Проникновение политики, именуемой наукой государственного управления (греч.), в уголовное право, в сферу противодействия преступности, коррупции и другим, связанным с ними негативным социальным и социально – психологическим явлениям вполне объяснимо, во многом необходимо и даже неизбежно.

Политика, как известно, есть «деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями», либо «образ действий, направленных на достижения чего-нибудь, определяющих отношения с людьми» [1, с. 553].

Уголовное право наиболее подвержено влиянию политики, прежде всего, со стороны тех политических сил, партий, других организаций и общественных группировок, которые находятся у власти в стране. Уголовная политика этих сил и структур служит методологической и теоретической базой, на основе которой разрабатываются стратегия и тактика, определяются главные направления борьбы с наиболее опасными, прежде всего с точки зрения

режима власти, деяниями и социально-значимыми явлениями, намечаются приоритеты объектов уголовно-правовой охраны, формируется, изменяется и дополняется уголовное законодательство, контролируется и корректируется практическая деятельность правоохранительных органов, других органов и структур противодействия преступности.

«Вторжение» политики в уголовное право оправдано и объяснимо, если основными целями политиков в порядке их значимости являются: обеспечение национальной и общественной безопасности страны; поддержание усилий международного сообщества в обеспечении мира и безопасности человечества; обеспечение в рамках этих макросистем личной безопасности каждого человека, его жизни, здоровья, прав и свобод, необходимых для его жизни, деятельности и гражданской идентификации. Такое «вторжение» полезно и необходимо, когда оно помогает снизить уровень преступности, улучшить ее структуру, повысить эффективность уголовного закона, отдельных уголовно-правовых норм и всей системы уголовно-правового противодействия преступности, подорвать имеющиеся в стране возможности к ее воспроизводству. Это позитивное «втор-

жение» политики в науку уголовного права, практику борьбы с преступностью и ее детерминантами мерами уголовно-правового характера, безусловно, следует только приветствовать. К сожалению, в последние двадцать лет в стране наметилась тенденция негативного политического вмешательства в указанную сферу социального управления, больше напоминающего осознанное «заражение» российской уголовно-правовой системы «вирусом политиканства», разрушающе действующего на эту систему, подрывающего ее жизнеспособность и эффективность, ведущего к росту преступности и коррупции, особенно их латентной подструктуры, укреплению позиций организованной преступности и «теневой» экономики.

Не иначе, как «политиканством» – ловкой и беспринципной политической деятельностью (игрой) в сфере борьбы с преступностью [1, с. 553], нельзя назвать ту уголовную политику, которая осуществляется вопреки принципу справедливости, который должен быть положен в основу противодействия преступности в ситуации, когда она растет и качественно углубляется, а наиболее опасные ее виды и формы приобретают в стране системный характер. Либерализация и гуманизация ответственности и наказания в такой криминогенной обстановке становится политикой поощрения преступности на уровне государственной власти.

После распада СССР на постсоветском пространстве, в том числе на территории современной России, стал стремительно возрождаться капитализм – общественный строй, основанный на частной собственности. Класс буржуа – опора нового политического режима, формировался по историческим меркам в невиданно короткий срок. Причем, люди, не имевшие или имевшие относительно скромные доходы, «в одночасье» становились владельцами «фабрик, заводов, газет, пароходов», захватывали лучшие куски государственного имущества. В этот период «первичного накопления капитала» пышным цветом расцветали ядовитые цветы коррупции, мошенничества, других хищений чужого (преимущественно, государственного и общественного) имущества, бандитизма и иных форм организованной преступности. Противоправный характер богатства, оказавшегося в собственности «чистых» уголовников и коррупционеров-политиков, не вызывает сомнений. «Неправедно богатые» и стремящиеся стать таковыми люди действовали часто нагло и открыто, используя рекламу (чаще заведомо ложную), в том числе в различных средствах массовой информации, нередко захваченных «новыми господами». Уголовный закон, как правило, бездействовал в сложившейся в стране ситуации правового беспредела. Так проявлялась уголовная политика правящего политического режима. Иного пути, не связанного с совершением преступлений корыстного или корыстно-насильственного характера, для быстрого формирования класса буржуазии – опоры новой власти,

не существовало. Поэтому статьи УК об ответственности за мошенничество, другие формы хищений, вымогательство, злоупотребление должностными полномочиями, взяточничество и т.п. применялись сравнительно редко. Как правило, такие преступления оставались латентными или нераскрытыми.

Вполне очевидно было и то, почему новые власти исключили из УК статьи, предусматривающие ответственность за нарушение правил торговли, частное предпринимательство, а также за коммерческое посредничество и спекуляцию, совершаемые с целью наживы. К этому времени многие предприятия, организации и учреждения закрылись, рабочие места сокращались, и масса трудового населения, для того чтобы выжить, занялась «бизнесом» в сферах торговли и услуг, то есть частным предпринимательством, коммерческим посредничеством и спекуляцией, не особенно заботясь о соблюдении правил торговли, о качестве оказываемых услуг и о том, что при этом цены на продаваемые товары и оказываемые услуги неоправданно возрастали, а качество их падало. Россия стремительно превращалась в сплошной рынок, где ничего не производят, но все торгуют, как правило, заграничным «барахлом». Все это позволяло «власть придержащим» скрывать большое число безработных, невольно или сознательно ставших участниками своеобразных «рыночных» отношений.

Рыночные отношения развивались, происходило несправедливое и противоправное распределение богатств, прежде всего за счет незащищенного государственного имущества, невиданными темпами росло имущественное расслоение в обществе, строящем капитализм с криминальным лицом, из неправедно богатых – «олигархов» и других крупных собственников, сплотившихся вокруг новых правителей. В центре, в регионах страны и на местах формировалась новая «элита».

В этот же период по инициативе новых властей из УК была исключена ст. 138 (УК РСФСР), предусматривавшая ответственность за «незаконное увольнение трудящегося с работы из личных побуждений, неисполнение решения суда о восстановлении на работе, а равно иное умышленное существенное нарушение законодательства о труде...» В условиях растущей безработицы и произвола новых «хозяев» предприятий и иных организаций наемные работники лишились уголовно-правовых гарантий, обеспечивающих право на труд, на свободный выбор работы, которое было закреплено в ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 23 Всеобщей декларации прав человека). Причины декриминализации этого деяния понятны: государственная власть, представляющая интересы новых «господ», не могла себе позволить столь же решительно защищать интересы их слуг, ущемляя тем самым право первых на свободу предпринимательства и на распоряжение принадлежащим им имуществом по своему усмотрению. К

тому же, при капитализме безработица как бы предполагается; она является привычным его спутником, как и циклически повторяющиеся кризисы в экономике и социальной сфере общества, и международного сообщества (системы буржуазных государств).

Накопление капитала (преимущественно, претупным путем), создание класса собственников, на которых мог бы опираться правящий режим, и утверждение в новой России рыночных отношений, – все это требовало от «власти имущих» определенной сдержанности относительно необходимости криминализации таких опасных даже для традиционных капиталистических отношений деяний, как: регистрация незаконных сделок с землей; незаконное предпринимательство и незаконная банковская деятельность; легализация (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем; недопущение, ограничение или устранение конкуренции; преступления, связанные с банкротством и рейдерством; незаконный вывоз за границу и невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте и т.п. Эти и некоторые другие преступления в сфере экономической деятельности служили (и служат) важным источником незаконного обогащения новоявленных «господ». Поэтому политическая воля для включения этих деяний в уголовный закон долгие годы не проявлялась, а если и проявлялась, то весьма неохотно, не всегда внятно. Многие из них, даже будучи предусмотрены в УК РФ 1996 г., остаются латентными и далеко не все они сконструированы в уголовном законе в оптимальной редакции.

До сих пор в публичных выступлениях и статьях ведущих политиков, представляющих партию власти и правую «оппозицию», мелькают утверждения и призывы не рассматривать преступления в сфере экономической деятельности как «серьезные» и не относить их к тяжким. Хотя ряд этих преступлений отнесены законодателем к тяжким (ч. 2 ст. 171-1, ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 174, ч. 3 ст. 175, ч. 3 ст. 174-1, ч. 3 ст. 178, ч. 2 ст. 179, ч. 3 ст. 180, ч. 4 ст. 182, ч. 2 ст. 185-3, ч. 2 ст. 185-6, ч.ч. 1 и 2 ст. 186, ч.ч. 2 и 3 ст. 188, ст. 190, ч. 2 ст. 191, ст. 196 УК РФ и др.) или особо тяжким (ч.ч. 2 и 3 ст. 186, ч. 4 ст. 188 УК РФ), к лицам, подозреваемым в их совершении не может быть применена такая мера пресечения, как заключение под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ). Такая вот политика...

Чтобы выявить «вирус политиканства» в системе уголовно-правового противодействия преступности, достаточно напомнить о том, как под влиянием политики безоглядного потворствования власти бизнесу законодатель исключил уголовную ответственность за выпуск недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции (ст. 152 УК РСФСР), заведомо ложную рекламу (ст. 182 УК РФ) и обман потребителей (ст. 200 УК РФ). Эти шаги законодателя являются также косвенным признанием того, что в основе рыночных отношений лежит об-

ман, и лоббирование интересов обманщика (бизнесмена). В конечном итоге, существенно нарушаются законные интересы обманутого (потребителя), приобретающего и использующего недоброкачественные, а часто и непригодные товары и продукцию или получающие неудовлетворяющие его услуги либо несущего иной вред в результате обманных действий виновного в них лица. Таким образом, от таких общественно опасных действий страдает большая масса населения, выступающего в качестве потребителя. В то же время, подобное стимулирование антиобщественного поведения (жульничества) в бизнесе проявляет себя как открытый шлагбаум для его продолжения. Распространенность обмана в бизнесе, прежде всего, в сфере торговли и услуг, стала невероятно большой и системной.

Декриминализация действий, именованных в ст. 139-1 УК РСФСР преследованием за критику, включение которых в уголовный закон ставили себе в особую заслугу демократы «первой волны», обнажила истинное лицо новой власти. Многие россияне восприняли этот шаг законодателя как некий сигнал к тому, чтобы критика государственной власти, которая теперь находилась в руках «демократов», было свернута, прекращена, а защита лиц, которые могут за это преследоваться, отныне не будет осуществляться.

Власти «новой» России привнесли в уголовную политику мораль и психологию индивидуалиста, основанную на обновленной идеологии буржуазной демократии, признающей приоритет личности в политике и праве, предпочтение эгоистичных интересов индивида интересам общественным и даже общечеловеческим, интересам мира и безопасности человечества. Внешне привлекательные демагогические призывы к первоочередной защите отдельной личности, как высшей социальной (читай: общественной) ценности нашли отражение в уголовной политике правящих кругов и, соответственно, в уголовном праве. Речь идет не только о декларативной смене приоритетов защиты объектов уголовно-правовой охраны, но и о последовательной реализации данного подхода во многих нормах и институтах Общей и Особенной частей УК РФ. Например, если в первом разделе Особенной части (раздел VII УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за преступления против личности, а во втором (раздел VIII УК РФ) – за преступления в сфере экономики, посягающие на интересы собственника, на свободу экономической деятельности лиц, занимающихся бизнесом, то в последнем разделе (раздел XII УК РФ) – за преступления против мира и безопасности человечества, в предпоследнем (раздел XI УК РФ) – за преступления против военной службы, в разделе X УК РФ – за преступления против государственной власти, а в разделе IX УК РФ – за преступления против общественной безопасности и здоровья населения. В результате получилось так, что мир и безопасность челове-

ства, национальная и общественная безопасность, по мысли законодателя, имеют значительно меньшую ценность, чем личность, ее права и свободы, частные экономические интересы гражданина и бизнесмена.

Изучая российский уголовный закон в таком перевернутом виде, специалист будет вынужден признать, например, что состав бандитизма (ст. 209 УК РФ), который ранее (ст. 77 РСФСР 1960 г.) поглощал состав убийства (ст. 105 УК РФ) и не требовал квалификации содеянного по совокупности указанных преступлений, как в настоящем виде, теперь не рассматривается законодателем как более опасный, чем убийство, вид преступления, хотя бандитизм – это «нападение на граждан или организации, совершаемое устойчивой вооруженной группой», то есть деяние, всегда опасное для жизни и здоровья граждан, чревато гибелью людей и совершаемое в опасной форме организованной преступности.

Аналогичный комментарий приходится давать и по случаям терроризма, сопровождаемого убийством, даже тогда, когда законодатель (ФЗ от 27 декабря 2009 г. № 377 – ФЗ) позволил себе не вполне членораздельное дополнение ст. 205 УК РФ (п. «б» ч. 3) об ответственности за террористический акт, «повлекший умышленное причинение смерти человеку». Если в данной норме УК речь идет о террористическом акте, сопряженном с убийством или сопровождаемым убийством, то законодатель должен был это изложить именно в такой редакции. Напомню: в ст. 105 УК РФ убийство определяется не как «умышленное причинение смерти человеку», а как «умышленное причинение смерти другому человеку», и термин «повлечь» («влечь») означает: «тащить, тянуть»; «притягивать к себе»; «иметь своим последствием что-нибудь» [1, с. 86, 529] – поэтому он правомерно применяется законодателем во всех случаях для характеристики преступлений, совершаемых по неосторожности (например: ч. 3 ст. 123 УК – незаконное производство аборта, «если оно повлекло по неосторожности смерть человека, либо причинение тяжкого вреда здоровью; ч. 2 ст. 124 УК – неоказание помощи больному, если оно повлекло по неосторожности смерть больного, либо причинение тяжкого вреда его здоровью; ч. 2 ст. 143 УК – нарушение правил охраны труда, «повлекшее по неосторожности смерть человека») и т.д. и т.п.). Получается, что террористический акт, сопряженный с убийством (похоже, что в п. «б» ч. 3 ст. 205 УК речь идет именно об этом), требует квалификации также по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 205 УК и п. «е» ч. 2 ст. 105 УК, поскольку террористический акт признается менее тяжким преступлением, чем убийство. А ведь террористический акт есть по закону «*совершение взрыва, поджога или иных действий..., создающих опасность гибели человека...*» Последствием таких общеопасных действий является, как правило, *гибель людей* при

четком осознании виновным столь опасных последствий своих общеопасных действий, **при желании** убить как можно больше людей «в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями...» Даже при оптимальном конструировании п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ редакция от ст. 205 УК РФ остается несовершенной, поскольку законодатель не определил повышенную ответственность за террористический акт, сопряженный (сопровожаемый) «**убийством двух или более лиц**». Не исправить этого положения и указанием на п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ибо сущность самого террористического акта состоит в том, что он угрожает гибелью или приводит к гибели **многих лиц**, причинению опасных для жизни или здоровья телесных повреждений *многим лицам*.

Разум отказывается верить тому послы законодателя, что безопасность человечества, национальная или общественная безопасность представляют собой меньшую социальную ценность, чем безопасность отдельного человека. Очевидно, именно первые из указанных социальных качеств требуют гораздо большего внимания и защиты со стороны государства, ибо они представляют собой необходимое условие сохранения последнего. Только не желающий этого понять ученый или политик способен отрицать такой расклад социально-значимых ценностей в реальной действительности.

На втором месте в Особенной части УК РФ, как отмечалось, расположены экономические преступления, иначе говоря, посягательства на экономическую основу буржуазного строя – частную собственность, на способность тех, у кого она есть, и на пока что неприватизированную часть государственной и общественной собственности, а также на свободу предпринимательской деятельности в условиях рыночных отношений. Причины этого также понятны. Не понятно лишь, почему власти, представляющие в основном интересы возродившейся буржуазии, через послушные им СМИ говорят о том, что экономические преступления, прежде всего преступления в сфере экономической деятельности, не представляют большой общественной опасности и требуют «либерального» отношения законодателя, а также правосудия к лицам, их совершающим. Очевидно, теми же «либеральными» идеями был занят разум законодателя, когда он в порядке дополнения ст. 108 УПК РФ в ч. 1.1 указал, что не допускается применение в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 158 (кража), 159 (мошенничество), 160 (присвоение или растрата чужого имущества) и ряда других экономических преступлений, если будет установлено, что эти лица занимаются предпринимательской деятельностью. Получается, что, с позиции таких политиков, олицетворяющих российскую

власть, лица, занимающиеся бизнесом, составляют самую полезную прослойку российского общества, заслуживающую каких-то особых льгот в сфере отечественного правосудия.

В марте 2009 г. был принят Федеральный закон № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», направленный, как утверждают сотрудники Государственно-правового управления Президента РФ, на дальнейшую «либерализацию уголовного законодательства». Этот закон поддержали представители официальных структур власти и адвокатского сообщества. Однако он вызвал справедливое возмущение и отрицательную оценку в научном сообществе, у сотрудников правоохранительных органов и у основной части общественности страны. В ФЗ № 26-ФЗ основной акцент был сделан на устранение нижнего предела санкций в виде лишения свободы, ареста, ограничения свободы, и исправительных работ. Законодатель отказался от нижних пределов санкций даже за ряд тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья и против собственности, сохранив нижний предел санкций лишь в отношении таких, например, особо опасных преступлений, как убийство (ст. 105-106 УК), похищение человека (ст. 126), незаконное лишение свободы (ч.ч. 2 и 3 ст. 127 УК), торговля людьми (ч.ч. 2 и 3 ст. 127-1 УК), использование рабского труда (ч.ч. 2 и 3), изнасилование (ст. 131 УК), насильственные действия сексуального характера ст. 132 УК), вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления (ч.ч. 3 и 4 ст. 150 УК), грабеж (ч. 3 ст. 161 УК), разбой (ч.ч. 3 и 4 ст. 162 УК), вымогательство (ч. 3 ст. 163 УК) и некоторые другие преступления. Можно согласиться с А.Кибальником, по мнению которого такое «расширение пределов судейского усмотрения до границ правовой анархии не прибавит авторитета судебной власти в глазах населения» [2, с. 23]. Рассматривая, например, два одинаковых (по их правовой квалификации) опасных преступления, судья получит легальную возможность наказать одного из преступников «на полную катушку» (до верхнего предела санкции соответствующей статьи), а другого – «пожалеть» и назначить наказание как за преступление небольшой или средней тяжести. Наличие невероятно широких границ судейского усмотрения при назначении наказания недопустимо именно потому, что оно нарушает принципы равенства граждан перед законом и судом и тем самым принцип справедливости, его уравнивающую функцию (сторону) и распределительную функцию (сторону), согласно которой наказание должно соответствовать прежде всего характеру и степени общественной опасности преступления (ст. 6 УК), лежащих в основе распределения преступлений на категории по их *тяжести* (ст. 15 УК). Главным критерием соответствия преступления и (применяемого судом) наказания

должна быть *тяжесть совершенного преступления*. Нелепо и странно, что отмена нижних пределов санкций затронула также тяжкие, и особо тяжкие преступления, хотя ведущие политики страны обещали народу этого не делать. Теперь официально даже за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего (ч. 2 ст. 111 УК), часто являющееся завуалированным убийством, суд может назначить два месяца лишения свободы.

Едва ли следует оспаривать ту истину, что в случаях, когда преступление отнесено к категориям тяжкого или особо тяжкого, суд должен быть лишен легальной возможности назначить виновному за такого рода преступления наказание как за преступления небольшой или средней тяжести. Индивидуализация уголовной ответственности будет возможна в пределах санкций, определяемых категорией тяжести преступления. Действенными инструментами дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания являются существующие и ныне, часто применяемые варианты альтернативного уголовно – правового воздействия: освобождение от уголовной ответственности или наказания, условное осуждение, назначение наказания более мягкого, чем предусмотрено законом, и некоторые другие.

Чтобы подтвердить порочность рассматриваемого Закона, можно, как бы «на вскидку» привести пример. Так, характер и степень общественной опасности умышленного причинения вреда средней тяжести (ст. 112 УК) и угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК) весьма различны, поскольку реальное причинение вреда здоровью средней тяжести гораздо опаснее, чем любая угроза [3]. Однако устранение нижней границы санкций в квалифицированных составах этих преступлений позволяет утверждать, что угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью по экстремистскому мотиву предполагает даже более строгое наказание (учитывая и дополнительное наказание), чем умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести, совершенное при отягчающих ответственность обстоятельствах.

С принятием настоящего Закона судьи получили легальное основание применять одинаковое наказание и к простому воришке (ч.ч. 1-2 ст. 158 УК), и к опасному вору, например, совершившему кражу в крупном и особо крупном размере (п. «в» ч. 3 или п. «б» ч. 4 ст. 158 УК). Аналогичное можно сказать о мошенниках (ст. 159 УК), грабителях (ч.ч. 1-2 ст. 161 УК) и некоторых других незадачливых либо, наоборот, матерых расхитителях. А ведь подобные корыстные преступления составляют заметное большинство в структуре преступности.

Проводя такую уголовную политику, власти рискуют ростом коррупции не только в судейской среде, но и во всей правоохранительной системе. Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 июля

2009 г. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», акты (проекты актов), устанавливающие необоснованно широкие пределы для правоприменителя, должны рассматриваться как содержащие «коррупционные факторы».

К сожалению, как это не парадоксально, коррупционные факторы особенно ярко проявляются именно в системе уголовно – правового противодействия коррупции.

Особая общественная опасность коррупции общепризнанна. Еще в преамбуле Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.) подчеркивалось, что «коррупция угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, подрывает принципы надлежащего государственного управления, равенства и социальной справедливости, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества».

Выражая аналогичную обеспокоенность серьезностью порождаемых коррупцией проблем, государства – участники Конвенции ООН против коррупции (31 октября 2003 г.) в преамбуле этого международного нормативного правового акта указывают также на связь коррупции с организованной, экономической и другими опасными формами преступности, ее связь «с большими объемами активов, которые составляют значительную долю ресурсов государств и ставят под угрозу их политическую стабильность и устойчивое развитие». Одновременно отмечается, что коррупция «превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран».

Россия ратифицировала указанные конвенции, а следовательно, согласилась с данной в них оценкой опасности коррупции, хотя по непонятным причинам не выразила этого в Федеральном законе № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции».

Коррупция породила чудовищные диспропорции в функционировании государственных институтов, привела к существенным сдвигам в сознании людей, которые утрачивают доверие к власти, веру в справедливость ее управленческих решений и в то, как она в действительности относится к народу. Коррупция превратилась в способ существования огромного количества людей, в повседневную норму жизни, в системное зло, с которым необходимо бороться также системно, последовательно и непримиримо, чтобы оно не подчинило себе окончательно государство, идеологию и людей. Становится страшно от того, что Россия превратилась в место, где коррупция определилась как единственно возможный способ решения всех проблем в обществе. Складывается ситуация, в которой, как отмечал в свое время еще Н.М. Коркунов, «всякий, имеющий власть, стремится ею злоупотреблять...» [4, с. 322].

Коррупция сейчас уже стала составной частью существующих управленческих структур, российской экономики (ее «теневой» части), общественной жизни страны. Каждый россиянин платит «коррупционный налог», скрытый в цене на продукты питания, товары первой необходимости, проезд на транспорте, коммунальные услуги, строительство жилья и дорог, услуги медицины и образовательной сферы. Доходы от коррупции оплачены кровью и слезами ее многочисленных жертв. Коррупционная модель преступного поведения, как говорил видный американский профессор Эдвин Шур, «есть цена, которую мы вынуждены платить за ту структуру нашего общества, которую мы создали сами» [5, с. 24].

По данным фонда ИНДЕМ, 50 % рядовых граждан попадали в ситуацию, когда приходилось решать, давать взятку или нет, при этом 38 % взятку давали. В такой ситуации взятку давали 82 % бизнесменов [6]. По данным «Левада-Центра», 55 % опрошенных считают, что взятки дают все, кто сталкивался с должностными лицами, а 33 % – что взятки дают в основном простые люди, у которых нет других способов добиться решения своих проблем.

Латентность взяток – основных и наиболее опасных коррупционных преступлений, определяется, прежде всего, «надежностью коррупционной сделки» и составляет 98 % [7].

К сожалению, реалии, характеризующие практику противодействия взяточничеству и другим коррупционным преступлениям, свидетельствуют о ее низкой эффективности, а также о том, что меры противодействия коррупции, как правило, «бьют мимо цели», не захватывая основных и наиболее опасных коррупционеров и ключевые коррумпированные сферы российского общества. По данным Виктории Авербух, судом наказывается, в лучшем случае, только каждый десятый из выявленных взяточников [8]. По словам С.Г. Келиной, в течение многих лет суды в Российской Федерации по ¾ приговоров выносили должностным лицам за получение взяток наказание ниже низшего предела, предусмотренного уголовным законом. Например, по ч. 1 ст. 290 УК РФ к лишению свободы приговорено 165 из 553 осужденных за это преступление [9].

За получение взяток, по мнению В. Лебедева и А.Б. Еликова, осуждаются в основном «мелкие» коррупционеры: врачи, преподаватели, милиционеры, хотя, по неофициальной статистике, самый высокий удельный вес и размер взяток у представителей административно – политической системы власти, которые стали «неприкасаемыми». Влиятельные властные структуры фактически получили иммунитет от преследования за коррупцию. Фактически за корыстные злоупотребления должностными полномочиями и хищение государственного имущества путем злоупотребления служебным положением должностные лица, виновные в их совершении, почти не преследуются в уголовном порядке.

В основных международных нормативных правовых актах, направленных на противодействие коррупции и взяточничеству (ст. 19 Конвенции СЕ 1999 г., ст. 30 Конвенции ООН 2003 г., ст. 3 Конвенции ООН 1997 г. по борьбе с подкупом должностных лиц иностранного государства), подчеркивается необходимость такого наказания за эти преступления, которое «должно быть эффективным, соразмерным и сдерживающим». С учетом тяжести коррупционных преступлений национальное уголовное законодательство должно предусматривать «суровое наказание, включающее, прежде всего, лишение свободы, достаточное для обеспечения эффективной взаимной правовой помощи и выдачи преступников».

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. указывает, что коррупция, совершаемая при участии организованной преступной группы, относится к серьезным преступлениям и должна влечь наказание в виде лишения свободы на срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания. Государство – участник может принимать более строгие или суровые меры, чем меры, предусмотренные в Конвенции (ст. 34).

Из сказанного просматривается тенденция на ужесточение уголовной ответственности и наказания за взяточничество и коррупцию. Их особая общественная опасность, высочайший уровень латентности, невозможность даже приближения к неотвратимости ответственности и наказания за их совершение вызывают необходимость назначения относительно более строгих мер уголовно-правового воздействия в отношении коррупционеров. К таким мерам никак нельзя отнести штраф, каким бы он ни был по размеру, прежде всего в отношении обеспеченных лиц, совершающих «элитные» преступления (получение взятки, хищение с использованием служебного положения, «отмывание» доходов от преступной деятельности и т.д.). В системе наказаний штраф – самый мягкий из основных видов наказания (п. «а» ст. 44 УК РФ), тогда как лишение свободы, наоборот, – наиболее строгий вид наказания в этой системе (п.п. «л» и «м» ст. 44 УК РФ), не считая смертной казни (п. «н» ст. 44 УК РФ), которая фактически не применяется.

Получается, что лишение свободы должно быть основным и единственным видом наказания (лучше со штрафом в размере до стократного размера суммы взятки в качестве дополнительного наказания) (в санкциях ч.ч. 3-6 ст. 290 УК РФ). Как альтернативное штрафу дополнительное наказание за получение взятки и ряд других коррупционных преступлений было бы целесообразно предусмотреть *конфискацию имущества*, восстановив этот вид наказания в соответствующей редакции в рамках ст. 52 УК РФ. Именно таким образом отечественный законодатель позволил бы России с определенными шансами на успех «добиться применения эффективных, соразмерных и суровых... санкций, включая *финансовые*

санкции...» за коррупционные преступления, совершаемые, прежде всего, должностными лицами, чего требуют указанные международно-правовые акты.

Полагали бы также целесообразным предусмотреть, в частности, в санкциях ч.ч. 3-6 ст. 290 УК РФ в качестве дополнительного наказания во всех случаях *лишение права занимать должность или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет*, что предусматривает ч. 2 ст. 47 УК РФ [10].

Продолжение в следующем номере.

Литература:

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997. – 553 с.
2. Кибальник А. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства? // Законность. – 2011. – № 9. – С. 23.
3. Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СЗ РФ. – 2007. – 17 августа. – № 522.
4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – Сиб., 2003. – 430 с.
5. Шур Э. Наше преступное общество. – М.: Прогресс, 1977. – 328 с.
6. Курцев А. Опубликовано 27.07.2010 г. в 17:12, обновлено 27.07.2010 г. в 17:55. – URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/502505/>
7. Оренина И. 37 млрд. «на лапы». Опубликовано 27.05.2002г. в 2:18.
8. Авербух В. Глава МВД согласен с критикой. – URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1150074> (Опубликовано 16.02.2005 г.).
9. Взятка: Статистика Верховного Суда РФ // Московский комсомолец. 01.02.2009 г.
10. Сидоров Б.В., Балаев А.Ш. Взятничество как система и составная часть коррупции: понятие, социальная и уголовно-правовая характеристика и вопросы совершенствования российского уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 2. – С.157-165.

The “Virus of Political Manoeuvring” in Russian Criminal Law System

B. Sidorov
Kazan (Volga Region) Federal University

The paper analyzes the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation from the point of view of criminal policy of Russian government. The author estimates the changes, for instance, liberalization of criminal and criminal procedure legislation that were introduced into Criminal Code and Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a way of humanization of responsibility and punishment for economic crimes and offences. The paper criticizes legislative novelties alongside with changes introduced as a way of anti-corruption and anti-extremism enforcement.

Key words: criminal policy, responsibility, punishment, criminal legislation, economic crimes and offenses, forfeiture of property, corruption, bribery, extremism, racial, national, religious extremism, grades of offence, terrorism.

